

АФГАНСКИЙ ВОПРОС НА ПЛОЩАДКЕ ШОС МЕЖДУ ДЕКЛАРАТИВНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ

НИНЭЛЬ ГУЛАМ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается влияние угроз региональной безопасности и стабильности, исходящих из Афганистана, на деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), формирование её приоритетов и институциональной структуры, а также роль организации в развитии многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном после прихода к власти Движения талибов в середине 2021 года. Становление ШОС пришлось на период, когда Афганистан оказался в фокусе мирового внимания в связи с объявленной США «войной с терроризмом». Поскольку большинство государств-членов ШОС являются непосредственными соседями Афганистана, организация не могла игнорировать источник нестабильности у своих границ. Автор приходит к выводу, что, несмотря на заинтересованность государств-членов в стабилизации региональной обстановки и в установлении прочного диалога с афганской стороной, а также на создание профильных институтов (РАТС ШОС и Контактной группы «ШОС – Афганистан»), ШОС так и не стала основной площадкой многостороннего взаимодействия с Афганистаном. Значительная часть региональных контактов по афганской тематике осуществляется вне рамок организации. Такая ситуация объясняется, с одной стороны, особенностями институционального дизайна ШОС, в частности консенсусным принципом принятия решений, а с другой – ориентацией ряда государств-членов на двусторонние форматы взаимодействия с Кабулом, укоренённые в их внешнеполитических практиках.

Ключевые слова:

Афганистан; ШОС; РАТС ШОС; Контактная группа «ШОС – Афганистан»; Московский формат; Движение талибов; терроризм; институциональный дизайн; региональное сотрудничество; евразийское пространство

Введение

С момента своего создания в июне 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) зарекомендовала себя как одно из наиболее влиятельных международных объединений на евразийском пространстве и важный элемент региональной архитектуры безопасности. Одним из ключевых факторов трансформации «шанхайской

пятёрки» в полноценную организацию, ориентированную на решение проблем безопасности, стала необходимость противодействия в том числе неконвенциональным угрозам, появившимся как прямое следствие продолжительной военно-политической турбулентности в Афганистане [Арунова 2012]. В Декларации о создании ШОС от 15 июня 2001 г. подчёркивается

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2025

Дата принятия к публикации: 21.04.2026

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

приоритет региональной безопасности и взаимодействия в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹. В то же время практически с самого начала существования ШОС Афганистан, не являвшийся ни государством-членом, ни партнёром по диалогу, оказывал на деятельность организации более заметное влияние, чем какое-либо другое государство [Агрономов, 2011].

Пристальное внимание ШОС к афганскому фактору вполне объяснимо²: организация объединяет большинство государств, непосредственно соседствующих с Афганистаном³, а также великие (Россия, Китай) и региональные (Иран, Индия) державы, интересы которых в сфере национальной и региональной безопасности прямо зависят от стабилизации обстановки в этой стране. По этой причине существенные изменения внутринеополитической ситуации в Афганистане⁴ оказывают влияние на внешнеполитические стратегии и приоритеты большинства государств-членов и выступают «проверкой на прочность» как для институциональных механизмов ШОС, так и для национальных стратегий её участников.

Взаимодействие ШОС с Афганистаном носит неравномерный характер, а в течение последних пятнадцати лет – и вовсе характеризуется стагнацией, что выражается в отсутствии не только значимых достижений, но и в ряде случаев – формальной коммуникации. В этой связи исследовательский вопрос статьи сформулирован следующим образом: *какую роль сыграл афганский фактор в определении вектора развития ШОС начиная с 2001 года и каковы пределы вовлечённости организации в процессы многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном в условиях нового этапа развития его государственно-*

сти начиная с 2021 года? Представляется важным проанализировать влияние нестабильности в Афганистане на формирование и функционирование ШОС и её отдельных структур, а также на политику самой организации на афганском направлении.

При сравнительно ограниченном числе исследований, специально посвящённых эволюции институтов и инструментов ШОС на афганском направлении и взаимосвязи становления организации с афганским фактором, следует отметить наличие ряда работ общего характера за авторством Р.К. Алимова [2017], М.А. Конаровского [2015; 2016], А.В. Лукина и А.Ф. Мочульского [2005], А.И. Быкова [2011], В.И. Василенко и др. [2014], изучающих общие вопросы функционирования организации, а также экономические и политико-правовые аспекты её деятельности; И.Е. Денисова [2016], И.А. Сафранчука [2015; 2016], С.И. Лунёва [2020], В.И. Белова (Юртаева) [2017], Л.Е. Васильева [2020а; 2020б], В.И. Никитенко [2018], В.Н. Москаленко [2008], А.С. Каукиной [2007], Е.Г. Гарбузаровой [2021], К.А. Кокарева [2008], А.А. Кольтюкова [2008], Иштиака Ахмада [Ahmad 2018], сосредоточившихся на рассмотрении роли организации в обеспечении региональной безопасности и деятельности конкретных стран в её рамках; С.Г. Лузянина [2012] и Е.В. Колдуновой [2013], в своих работах уделяющих внимание роли и месту ШОС в иерархии региональных структур и институтов. При всей значимости представленных в указанных трудах эмпирических наблюдений значительную часть из них характеризует преимущественно описательный подход в сочетании с недостаточно высоким уровнем концептуализации и преобладанием логико-интуитивного метода. Отдельного внимания заслужива-

¹ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 22.10.2023).

² Здесь и далее под словосочетанием «афганский фактор» понимается обстановка длительной военно-политической турбулентности в Афганистане, наблюдавшейся начиная с середины 1970-х годов.

³ За исключением Туркменистана.

⁴ Каковым стал приход к власти Движения талибов в августе 2021 года.

ют работы Ю.А. Никитиной [2009, 2010] ввиду приведённого в них сравнительного анализа моделей регионализма ШОС и ОДКБ с опорой на концептуальный аппарат сравнительного регионализма, а также исследования Стивена Ариса [Aris 2009, 2011], А.В. Обыденковой и А.С. Либмана [Obuydenkova, Libman 2019], рассматривающих ШОС как региональный институт в сравнительной перспективе и через призму теории нового регионализма.

Деятельность ШОС на афганском направлении выступала предметом изучения в работах М.Р. Аруновой [2012], М.А. Конаровского [2014], В.В. Агрономава [2011], В.В. Парамонова и др. [2008]. В этих исследованиях значительное внимание уделяется предыстории, а также международному и региональному контексту оформления и развития двустороннего взаимодействия организации с Афганистаном. Тем не менее упомянутые труды, лежащие преимущественно в плоскости исторических наук, хронологически не охватывают весь период сосуществования афганского государства и ШОС, в связи с чем не отражают тех метаморфоз, которые происходили во взаимодействии организации и Афганистана после возвращения к власти Движения талибов. Представляя интерес работы за авторством А.С. Давыдова [2016] и К.Х. Рахимова [2022], в которых затронуты относительно недавние попытки активизации ШОС в содействии «афганскому миру».

Смежная с тематикой статьи проблематика безопасности, стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии, а также влияния афганского фактора на ситуацию в регионе пристально изучалась (?) В.Г. Коргуном [2012], А.А. Князевым [2002, 2004, 2009], С.М. Акимбековым [1998], В.Я. Белокреницким и Р.Р. Сикоевым [2014], где основной акцент вновь получают исторические аспекты; А.А. Казанцевым [2008], И.А. Сафранчуком⁵ [2009], А.А. Ума-

ровым [2017, 2021], М.О. Нессаром [2025a, 2025b]. К числу характерных черт данных работ следует отнести преимущественное внимание к истокам нестабильности и анализу двусторонних отношений государств региона с Афганистаном, в то время как эффективности региональных институтов, в том числе ШОС, в решении афганского вопроса внимание уделяется в незначительной степени.

Невзирая на значительное количество смежных исследований, недостаточно изученными остаются ограничения институциональных механизмов ШОС и их влияние на место афганского вопроса в повестке организации. Проблематика институционального «созревания» ШОС и действенности имеющихся в её распоряжении механизмов противодействия угрозам, исходящим от государств, не являющихся непосредственными участниками объединения, нуждается в дальнейшем анализе.

Цель настоящей работы – определить роль афганского фактора в формировании приоритетов и структуры ШОС и выявить институциональные и иные ограничения, препятствующие выработке и имплементации подходов ШОС к взаимодействию с Афганистаном. В задачи исследования входит анализ того, как обострение ситуации с безопасностью на евразийском пространстве, связанное с афганским фактором, повлияло на формирование ШОС и создание таких её органов, как Региональная антитеррористическая структура (РАТС) и Контактная группа «ШОС – Афганистан». Отдельно рассматривается проблема предоставления членства Афганистану в организации. Далее проводится оценка роли ШОС в налаживании регионального взаимодействия на афганском направлении после 2021 года.

Методологическую основу исследования составляет теория институционального дизайна Амитава Ачарии и Аластера Джонстона, согласно которой механизмы и

⁵ *Safranchuk I. Afghanistan and Its Central Asian Neighbors // Center for Strategic & International Studies. 26.06.2017. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170612_Safranchuk_AfghanistanCentralAsianNeighbors_Web.pdf (accessed: 02.11.2024).*

структура международной организации отвечают потребностям формирующих её государств [Acharya, Johnston 2007a: 15–16]. Применение данного подхода позволяет в том числе соотнести деятельность организации с её исходными целями, что и выступает «мерилом» её эффективности. Источниковую базу составили официальные документы, принятые в рамках ШОС, заявления должностных лиц и верифицированные материалы открытых информационных ресурсов.

Международный контекст формирования Шанхайской организации сотрудничества и специфика её взаимодействия с Афганистаном до 2021 года

Согласно принятой в 2001 г. Декларации о создании ШОС, цели объединения включали в себя развитие многостороннего регионального взаимодействия в ряде областей⁶, укрепление взаимного доверия между государствами-членами и стабилизацию региональной безопасности⁷. В соответствии с теорией институционального дизайна⁸, ШОС демонстрирует признаки организаций, функционирующих в логике незападного (азиатского) регионализма [Acharya, Johnston 2007b: 250], включая приоритет национального суверенитета⁹, широкий круг вопросов, которые организация уполномочена рассматривать, фактическое отсутствие воздей-

ствия на внутреннюю политику государств-членов и консенсусный принцип принятия решений, что отражено в Хартии ШОС¹⁰. При этом ШОС обнаруживает сходство с «форумной» моделью взаимодействия, характерной для АСЕАН [Никитина 2009: 149].

Обозначенный в основополагающем документе обширный спектр предполагаемых сфер сотрудничества наделил организацию максимально широким и одновременно несколько «размытым» мандатом, вследствие чего поначалу приоритеты организации динамично менялись и были непостоянными. Теракты 11 сентября 2001 г. и последующая эскалация асимметричного конфликта в Афганистане с участием международных сил побудили государства-члены ШОС в значительной мере пересмотреть приоритеты и уделить больше внимания событиям, разворачивавшимся в непосредственной близости от их границ¹¹. В совместном заявлении по итогам внеочередной встречи министров иностранных дел (январь 2002 года) участники ШОС приветствовали «избавление афганского народа от режима талибов, тесно связанного с международным терроризмом»¹², а в декларации по итогам саммита ШОС в Санкт-Петербурге (июнь 2002 года) главы государств подчеркнули взаимосвязь безопасности Центральной Азии и афганского мирного процесса, заявив о намере-

⁶ Политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других.

⁷ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 22.10.2023).

⁸ Ачария и Джонстон в своём сравнительном анализе региональных моделей обходят вниманием объединения постсоветского пространства. Логика становления этой организации содержит существенные отличия от свойственной евроатлантическим региональным институтам модели, описанной на примерах НАТО и Европейского союза.

⁹ Отражено в Декларации о создании организации в качестве ключевого принципа её работы – невмешательство во внутренние дела стран-участниц.

¹⁰ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 16.01.2025).

¹¹ Заявление глав правительств государств-участников Шанхайской Организации Сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. 14.09.2001. URL: <https://rus.sectsc.org/images/07e8/0c/03/1607860.pdf> (дата обращения: 22.10.2025).

¹² Совместное заявление министров иностранных дел государств-участников Шанхайской Организации Сотрудничества (Пекин, 8 января 2002 года) // Министерство иностранных дел Российской Федерации 07.01.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1628885/ (дата обращения: 03.04.2025).

нии содействовать ему совместными усилиями¹³. Впрочем, дальнейшая динамика конфликта, продемонстрировавшая отсутствие подлинной стабилизации после смены режима в Афганистане, постепенно сформировала у членов организации понимание необходимости адаптации к новым условиям.

РАТС ШОС

Региональная антитеррористическая структура (РАТС), функционирующая с 2004 года, стала одним из первых постоянно действующих органов ШОС, наряду с Секретариатом. Её предназначение заключается в содействии координации и взаимодействию компетентных органов государств-членов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом — «новыми» угрозами безопасности¹⁴. Соглашение о создании РАТС было подписано меньше чем через год после терактов 11 сентября 2001 г. и начала операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, что может рассматриваться как оперативная институциональная реакция на обострение региональной обстановки или, как указывает А.Ш. Кадырбаев, прежде всего на афганские события¹⁵. Подписанию соглашения о РАТС ШОС предшествовали проведённые на территории Казахстана и Китая осенью 2003 г. первые совместные антитеррористические учения государств-членов ШОС «Взаимодействие-2003», направленные на отработку согласованных тактических действий и преодоление труд-

ностей взаимодействия, обусловленных различиями военных традиций¹⁶.

Хотя все государства-члены ещё длительное время выражали поддержку военному присутствию США и западной коалиции в Афганистане, декларируемое как антитеррористическое, это присутствие само по себе не решало задачу реального противодействия терроризму в стране и обеспечения безопасности в ареале ШОС. В конце 2001 — начале 2002 годов выявились две основные позиции в дискуссиях относительно американского присутствия в Центральной Азии. Первая исходила из предположения, что Соединённые Штаты намерены использовать своё военное присутствие в Центральной Азии для достижения геополитических целей, а операция в Афганистане служит не более чем предлогом. Во втором случае США воспринимались как фактор снижения уровня угроз, исходящих из Афганистана [Князев 2009: 130]. Создание РАТС может рассматриваться как попытка государств-членов ШОС создать альтернативный западному формат антитеррористического взаимодействия.

Впрочем, в последующем функционал РАТС ШОС оставался довольно ограниченным в силу прежде всего различий в подходах стран-участниц к созданию наднационального института. Антитеррористическое взаимодействие в большей мере утвердилось на двустороннем уровне сотрудничества стран Центральной Азии с КНР или Россией, в том числе в формате ОДКБ¹⁷. Основная функция РАТС ШОС

¹³ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 года) // Министерство иностранных дел Российской Федерации 07.06.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1745498/ (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁴ Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁵ Кадырбаев А.Ш. Влияние афганского фактора на ведущие страны ШОС // Афганистан.Ру. 14.09.2011. URL: <https://afghanistan.ru/doc/20882.html> (дата обращения: 22.03.2025).

¹⁶ Противодействие терроризму в рамках ШОС (Справка) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 28.10.2011. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1742195/ (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁷ Мамахатов Т. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество? // Российский совет по международным делам (РСМД). 09.01.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-v-tsentralnoy-azii-sotrudnichestvo-ili-sopernichestvo/> (дата обращения: 30.01.2025).

сводится к анализу данных и выработке рекомендаций для государств-членов по противостоянию терроризму, сепаратизму и экстремизму. Сама по себе РАТС не является силовым инструментом предотвращения подобных деяний и тем более не предусматривает вмешательство во внутренние дела других государств. Учитывая, что ШОС не является военным блоком и не располагает вооружёнными силами¹⁸, одним из ключевых инструментов реагирования на угрозы, исходящие из Афганистана, остаётся непосредственный диалог с афганской стороной независимо от смежных режимов в стране.

Контактная группа «ШОС–Афганистан»

На фоне ухудшения военно-политической обстановки в Афганистане в 2005 г. была создана данная структура. Изначально в её состав должны были входить представители всех государств-членов при Секретариате ШОС, с одной стороны, и руководящий состав афганского посольства в Пекине – с другой. Контактная группа (КГ) была призвана служить площадкой для диалога организации с афганскими властями по вопросам, представляющим взаимный интерес. На открытии специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС в марте 2009 г. глава МИД России С.В. Лавров отметил, что, в силу территориальной близости практически всех государств-членов организации с Афганистаном и обусловленной данным фактом их прямой заинтересованностью в разрешении афганского кризиса, порождающего многочисленные угрозы в регионе, ШОС нацелена на борьбу с его последствиями при помощи непосредственного взаимодействия с афганскими властями, «а не за счёт создания неких “санитарных кордонов”» –

и именно этой задаче отвечало создание в 2005 г. Контактной группы ШОС–Афганистан¹⁹. В соответствии с регламентом участия членов ШОС в заседаниях КГ представители организации должны были выступать с согласованных позиций и не выносить на обсуждение те пункты, по которым отсутствует консенсус. Идея создания подобного двустороннего механизма поначалу выглядела многообещающе. Тем не менее Контактная группа приостановила свою деятельность в 2009 г. из-за отсутствия консенсуса участников касательно повестки и целесообразности проведения регулярных встреч в её рамках²⁰. Работа группы была возобновлена лишь в 2017 году, но после прихода талибов к власти в августе 2021 г. вновь оказалась прервана (табл. 1). Несмотря на возлагавшиеся на неё надежды, Контактная группа не сумела зарекомендовать себя в качестве эффективного механизма взаимодействия государств-членов ШОС по афганской проблематике главным образом ввиду сохранения у большинства участников ориентации на двусторонние форматы работы с Кабулом.

Вопрос участия Афганистана в деятельности ШОС

Регулярно подчёркивая зависимость регионального развития от афганской проблематики, ШОС старалась поддерживать тесные связи с Кабулом. С 2004 г. президент ИРА регулярно приглашался на саммиты ШОС в качестве гостя [Арунова 2012: 14]. Афганистан с самого начала пользовался особым отношением организации: запросив в 2011 г. статус наблюдателя, он уже на следующий год получил его, минуя стадию партнёрства по диалогу. Тем не менее углубление взаимодействия ШОС с Кабулом и тем более его дальнейшее

¹⁸ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 16.01.2025).

¹⁹ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытии специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС, Москва, 27 марта 2009 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 27.03.2009. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1693322/ (дата обращения: 05.01.2025).

²⁰ Контактная группа «ШОС – Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 16.07.2019. URL: <https://rus.sectesco.org/20190716/565424.html> (дата обращения: 18.01.2025).

Таблица 1
Заседания Контактной группы «ШОС – Афганистан»

Период	Статус работы	Ключевые встречи, их цели и итоги
2005–2009	Становление	Проведено 4 заседания (в т.ч. учредительное, на котором был подписан Протокол о создании КГ), где афганская сторона акцентировала внимание на экономических аспектах сотрудничества с ШОС. ШОС рассматривает Афганистан как «источник трансграничной наркоугрозы», в обсуждениях основной фокус получают вопросы создания вокруг него «поясов» антитеррористической и финансовой безопасности, борьбы с наркотрафиком. ШОС позиционирует себя как вспомогательного игрока по отношению к миссии МССБ (ISAF)
2010–2016	Период стагнации	Работа группы была фактически приостановлена. В 2012 г. Афганистан получил статус наблюдателя, что отчасти снизило потребность в отдельном формате КГ
2017–2021	«Реанимация»	Обсуждение планов по содействию экономическому восстановлению Афганистана. Практически ежегодные встречи: 5-е заседание – Москва (2017) – на уровне заместителей глав МИД, 6-е – Пекин (2018), 7-е – Бишкек (2019). 2019 г. – утверждение «Дорожной карты дальнейших действий Контактной группы» на саммите ШОС в Бишкеке. Упомянутая в контексте КГ министерская встреча государств-членов ШОС с участием Афганистана (июль 2021 г., Душанбе) проходила в формате отдельного совещания глав МИД по афганской проблематике незадолго до смены власти в Кабуле
2021–н.в.	«Заморозка»	Полноценные заседания КГ (т.е. с участием афганской стороны) не проводятся; Афганистан остаётся наблюдателем при ШОС, но его участие в её работе было приостановлено (стало «неактивным») в сентябре 2021 г. после прихода к власти Движения талибов. Большая часть обсуждений афганской проблематики осуществляется в рамках региональных <i>ad hoc</i> форматов (прежде всего – Московского формата консультаций)

Источник: составлено автором на основе официальных источников.

присоединение в качестве полноправного члена оставались затруднительными, в том числе в силу противоречивого отношения афганских властей к ШОС, во многом обусловленного сильным влиянием США.

К моменту наделения Афганистана статусом наблюдателя уже был утверждён документ, регулировавший расширение членства данного объединения. «Положение о порядке приёма новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества» было принято на саммите ШОС в июне 2010 г. в Ташкенте. Организация, будучи открытой для дальнейшего приёма государств в свои ряды, выдвигала для кандидатов ряд условий и критериев, в частности наличие статуса государства-наблюдателя

при ШОС или партнёра по диалогу; активные торгово-экономические и гуманитарные связи с государствами-членами; отсутствие международных обязательств в сфере безопасности, противоречащих документам ШОС²¹. Дополнительную ясность внесло заявление специального представителя президента России по делам ШОС Б.М. Хакимова в 2017 году: «Если какое-то государство хочет присоединиться к ШОС, то оно должно быть стабильным, его правительство должно контролировать всю ситуацию на своей территории и управлять всеми делами самостоятельно»²². Эти требования были адресованы прежде всего Афганистану, суверенитет которого в период присутствия на его территории ино-

²¹ Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества // Деловой совет ШОС. 11.06.2010. URL: https://bcscsco.ru/files/docs/polozhenie_o_poryadke_priema_novyh_chlenov_v_shanhajskuyu_organizaciyu_sotrudnichestva.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

²² Бахтиер Хакимов: Контактная группа «ШОС-Афганистан» призвана стать инструментом содействия // Афганистан.Ру. 16.12.2017. URL: <https://afghanistan.ru/doc/117336.html> (дата обращения: 16.01.2025).

странных военных контингентов был во многом ограничен, а потому вопрос присоединения откладывался до момента возвращения афганским властям полной ответственности за свою страну. На данном этапе также наблюдалось явное стремление ШОС привлечь к решению афганского вопроса всё мировое сообщество и передать основную ответственность за координацию международных усилий по урегулированию конфликта в Афганистане Организации Объединённых Наций [Алимов 2017: 159].

Политические трансформации в Афганистане после 2021 г. и деятельность ШОС

Повторный приход к власти в Афганистане Движения талибов в августе 2021 года, сопряжённый с выводом иностранных военных контингентов, не мог не обратить на себя внимание ШОС. С одной стороны, многие представители политических и экспертных сообществ её государств-членов небезосновательно полагали, что иностранное военное присутствие на афганской территории всё это время представляло собой наиболее значительное препятствие на пути эффективного сотрудничества двух сторон. По утверждению А.В. Картунова, до 2021 г. отсутствие успехов в отношениях ШОС с Афганистаном, в особенности её Контактной группы, было обусловлено тем фактом, что взаимодействие осуществлялось «в густой тени интервенции НАТО»²³.

С другой стороны, за два десятилетия после вторжения США и их союзников в Афганистан Движение талибов успело продемонстрировать определённую эволюцию в своих подходах к взаимодействию

с внешним миром, в первую очередь открыто дистанцировавшись от поддержки международных террористических организаций и обязавшись не допускать использования афганской территории их ячейками для нападения на другие государства. Соответствующие обязательства были закреплены в Дохийском мирном соглашении — по крайней мере, в отношении США и их союзников²⁴. Кроме того, в результате двух «волн расширения» ШОС к середине 2023 г. включала в себя почти всех, за исключением Туркменистана, непосредственных соседей Афганистана, что потенциально делает эту площадку наиболее удобной для обсуждения актуальной для всего региона афганской проблематики. Но дальнейшее сближение организации с Кабулом в обновлённых условиях в силу ряда обстоятельств по-прежнему представляется весьма затруднительным.

За указанный период у большинства нынешних государств-членов (включая вступивших в организацию в 2017 г. Индию и Пакистан и присоединившийся в 2023 г. Иран) сформировались собственные интересы на афганском направлении, нередко вступающие в противоречие друг с другом и затрагивающие также вопросы влияния на баланс этнополитических сил в стране за счёт ряда прокси-группировок. В качестве примера стоит упомянуть поддержку афганских шиитов-хазарейцев Ираном и их вербовку в созданную КСИР бригаду «Фатимиюн» для войны в Сирии, косвенное содействие Таджикистана деятельности антиталибских группировок [Князев, Гулам 2023: 432], опору Пакистана на доктрину «стратегической глубины»²⁵ во взаимодействии с Афганистаном, а также для-

²³ Картунов А.В. Афганистан как стресс-тест для ШОС // Российский совет по международным делам (РСМД). 15.06.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afghanistan-kak-stress-test-dlya-shos/> (дата обращения: 30.01.2025).

²⁴ Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America // US Department of State. 29.02.2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (accessed: 25.04.2023).

²⁵ Суть данной доктрины сводится к содействию формированию стабильного и лояльного политического режима в Афганистане с целью устранения угроз безопасности на северо-западных границах страны, а по сути — к недопущению трансформации афганской территории в плацдарм для индийского влияния или потенциальной агрессии Индии по отношению к Пакистану.

щийся с середины XX века и временами переходящий в «горячую фазу» индо-пакистанский конфликт. Противостояние Нью-Дели и Исламабада проецируется на отношения этих двух стран с Афганистаном, влияние на который было и остаётся предметом соперничества [Лалетин 2008: 60]. Примечательно, что упомянутые страны, объединённые под эгидой ШОС, неизменно выступали за становление единого, независимого и нейтрального афганского государства²⁶.

Вместе с тем нестабильная обстановка в Афганистане по-прежнему рассматривается его соседями в первую очередь сквозь призму угроз для их собственной безопасности²⁷. Прежде всего, они опасаются роста террористической активности в регионе, причём необязательно вследствие прямого участия талибов. Ряд других угроз региональной безопасности, обострившихся на фоне перманентной военно-политической нестабильности в Афганистане, например незаконный оборот наркотиков, также является предметом их серьёзной обеспокоенности²⁸ [Князев 2002: 105]. Хотя за период нахождения талибов у власти с 2021 г. в стране зафиксировано снижение интенсивности боевых действий, поскольку до этого значительная часть всех терактов совершалась боевиками самого движения, уровень насилия всё равно остаётся весьма высоким. Во

многом это связано с активностью международных террористических организаций, прежде всего ячейки ИГ* «Вилаят Хорасан», ведущей борьбу против талибов практически с самого момента своего появления в Афганистане в 2015 году²⁹.

Большинство государств-членов ШОС формально придерживается консенсуса относительно недопустимости превращения Афганистана в убежище террористических структур и «плацдарм» для нападения на соседние государства. Страны региона выступают резко против создания любой военной инфраструктуры на афганской территории. Существует также общее согласие относительно необходимости пресечения производства и контрабанды наркотических средств, как и предотвращения дальнейшего массового исхода беженцев и мигрантов из этой страны³⁰.

Консенсус региональных государств по данным вопросам с 2017 г. фиксировался в их совместных заявлениях в рамках Московского формата консультаций. Не имея прямого отношения к ШОС, эта площадка вовлекает в свою работу большинство её государств-членов и является наиболее представительным форумом стран региона по Афганистану. С момента её создания было проведено шесть заседаний, участники которых последовательно выражали свою приверженность скорейшему установлению мира в этой стране и готовность

²⁶ Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов ШОС по итогам встречи в формате Контактной группы «ШОС-Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 14.07.2021. URL: <https://rus.sectscs.org/20210714/767793.html> (дата обращения: 03.04.2025).

²⁷ *Нессар О.* Современный Афганистан: факторы нестабильности // Афганистан.Ру. 18.06.2022. URL: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁸ Встреча глав МИД стран-соседей Афганистана – итоги // Sputnik Узбекистан. 13.04.2023. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20230413/vstrecha-glav-mid-stran-sosedey-afganistana--itogi--33907083.html> (дата обращения: 22.04.2023).

* Деятельность Исламского государства запрещена в России.

²⁹ *Нессар О.* Современный Афганистан: факторы нестабильности // Афганистан.Ру. 18.06.2022. URL: <https://afghanistan.ru/doc/149625.html> (дата обращения: 20.03.2023).

Противостояние Движения талибов и Исламского государства обусловлено как идеологическими разногласиями, так и борьбой за власть и влияние в Афганистане: в то время как в случае первого прослеживается приверженность пуштунскому национализму, второе, придерживаясь террористических методов, претендует на создание «всемирного халифата».

³⁰ Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL: <https://mid.ru/upload/medialibrary/110/yx0kvmqbw56s1qxrnthnmesa51ok6r44/MFC%202024%20FINAL%20RUS.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

оказать ей в этом содействие³¹. В то же самое время государства-члены ШОС неоднократно поднимали вопрос о возобновлении работы Контактной группы, подчёркивая, что с учётом «переходного состояния» нынешнего афганского правительства такой формат регионального сотрудничества представляется оптимальным. Тем не менее на саммите организации, состоявшемся в июле 2024 года, решение по данному вопросу вновь было отложено в связи с отсутствием консенсуса, главным образом ввиду наличия возражений у Таджикистана³², остающегося на данный момент единственной страной в объединении, не исключившей Движение талибов из национального списка запрещённых организаций³³. Таким образом, этот принцип, зафиксированный в Хартии ШОС³⁴ и воплощающий одну из ключевых характеристик её институционального дизайна, препятствует не просто её эффективному взаимодействию с Афганистаном, но и в целом выработке согласованных подходов на афганском направлении в рамках объединения.

Согласно выводам А. Ачарии и А. Джонстона, принятие решений по принципу консенсуса существенным образом снижает эффективность работы региональных организаций. При расширении состава объединения возрастает вероятность «выхолащивания» официальных документов ввиду необходимости поиска «наименьшего общего знаменателя» [Acharya,

Johnston 2007a: 17]. Приверженность консенсусному принципу принятия решений в случае незападных объединений продиктована стремлением их участников избежать вынесения обсуждаемых вопросов на наднациональный уровень, а в дальнейшем – принуждения к исполнению коллективных решений. Данный подход коррелирует с принципом невмешательства во внутренние дела участников, взятым за основу работы ШОС [Barnett, Solingen 2007: 213].

Вероятнее всего, именно по этой причине, а также в силу различий стратегических интересов и векторов развития евразийских государств их многостороннее взаимодействие по афганской проблематике реализуется преимущественно за пределами существующих региональных институтов. Вместо них государства-члены ШОС предпочитают более гибкие форматы сотрудничества, не предполагающие единообразия коллективных подходов к взаимодействию Афганистаном. На это, в частности, указывает проведённая в августе 2025 г. в Ташкенте первая встреча специальных представителей центральноазиатских государств по Афганистану. Наибольшее внимание привлекли итоги мероприятия, впервые объединившего в подобном формате делегации Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. *Во-первых*, страны достигли консенсуса относительно необходимости выработки единой консолидированной региональной

³¹ О заседании Московского формата консультаций по Афганистану // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.10.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1974295/ (дата обращения: 03.04.2025).

³² Спецпредставитель президента РФ по ШОС об Афганистане: должен быть консенсус // Российское агентство правовой и судебной информации. 09.07.2024. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20240709/310084542.html (дата обращения: 03.04.2025).

³³ Рӯйхати ҳизбо ҳаракатҳои, ки тибқи ҳалномаҳои Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун ташкилотҳои террористӣ-экстремистӣ (иттиҳоди экстремистӣ) эътироф карда шуда, ғайриқонунон дар қаламрави Ҷумҳурии Тоҷикистон манъ карда шудааст [Список партий, движений и организаций, в соответствии с решениями Верховного суда Республики Таджикистан признанных террористическими и экстремистскими организациями (экстремистскими объединениями), деятельность которых запрещена на территории Республики Таджикистан] // Котибот оид ба амалисозии Стратегияи муқовимат ба экстремизм ва терроризм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: <https://ct-secretariat.tj/tj/background-information/spisok-terroristicheskikh-i-ekstremistskikh-organizatsij-deyatelnost-kotorykh-zapreshchena-na-territorii-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 20.12.2025).

³⁴ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 16.01.2025).

позиции по афганской проблематике. Во-вторых, было принято решение о создании постоянно действующей региональной Контактной группы на уровне спецпредставителей³⁵. Несмотря на то что предмет обсуждения составили традиционные для встреч, посвящённых Афганистану, вопросы противодействия терроризму, экстремизму и транснациональной преступности, она примечательна прежде всего за счёт продемонстрированного участниками стремления к формированию консолидированных региональных подходов во взаимодействии с Кабулом.

Стремление действующих властей Исламского Эмирата Афганистан присоединиться к ШОС имеет давнюю историю. В августе 2007 г. Движение талибов, находившееся тогда в вооружённой оппозиции, опубликовало открытое письмо руководящего совета Исламского Эмирата с обращением к ШОС «остановить тех, кто путём оказания экономического, культурного и политического влияния пытается помешать развитию стран региона». ШОС, призывали талибы, не должна «смотреть на Исламский Эмират с позиции США», поскольку «мы не террористы и не иностранные интервенты, мы – защитники наших национальных интересов». Афганистан «оккупирован», вследствие чего, по мнению составителей этого документа, проводимый «джихад» должен рассматриваться как справедливая и законная борьба за независимость. Содержание и тон обращения можно интерпретировать как попытку противопоставить ШОС Соединённым Штатам и Североатлантическому альянсу и как своего рода заявку на готовность к лояльному отношению к деятель-

ности Шанхайской организации сотрудничества [Plastun 2008: 46–47].

Сразу после своего повторного прихода к власти талибы неоднократно выражали интерес и готовность к участию в мероприятиях под эгидой ШОС, но такую возможность могло бы обеспечить восстановление участия страны в работе организации в качестве наблюдателя с перспективой получения ею в дальнейшем полноправного членства³⁶. Произошедший в августе 2021 г. захват власти в этом государстве ознаменовал собой окончание длительного периода внешнего военного присутствия, мешавшего ему обрести международно-политическую субъектность. В условиях вовлечения США и их союзников в афганские дела страна была не вполне самостоятельной в вопросах внешней политики, включая взаимодействие с ШОС. С выводом иностранных военных контингентов с территории Афганистана формальные препятствия для вступления страны в Шанхайскую организацию сотрудничества, включая обозначенные в Положении о порядке приёма новых членов, были устранены.

Тем не менее, несмотря на поданную Афганистаном ещё в 2015 г. заявку на вступление в ШОС в качестве полноправного члена, данный вопрос по-прежнему не является предметом содержательных обсуждений в рамках ШОС. Здесь продолжает играть важную роль «неоднозначный статус» нынешнего афганского правительства, которое до сих пор не получило широкого международного признания. ООН продолжает последовательно отказывать Исламскому Эмирату Афганистан в предоставлении кресла постоянного представителя страны при организации³⁷ и в снятии санк-

³⁵ В МИД проведена первая встреча специальных представителей стран Центральной Азии по Афганистану // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. 26.08.2025. URL: <https://gov.uz/ru/mfa/news/view/81125> (дата обращения: 17.01.2026).

³⁶ Талибы хотят участвовать в следующем саммите ШОС // Интерфакс. 05.07.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/910238> (дата обращения: 04.04.2025).

³⁷ *Yousaf K.* Taliban's bid for UN seat rejected for third time // The Express Tribune. 19.12. 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2450539/talibans-bid-for-un-seat-rejected-for-third-time> (accessed 01.03.2025).

³⁸ Security Council Renews for One Year Mandate of Team Monitoring Sanctions against Taliban, with Some Regretting Travel Exemptions Not Extended // United Nations. 14.12.2023. URL: <https://press.un.org/en/2023/sc15530.doc.htm> (accessed 01.03.2025).

ций с членов Движения талибов³⁸. К тому же за этим движением закрепилась репутация террористов, в создании которой не последнюю роль сыграли США ещё в начале 2000-х годов. Именно этот «шлейф» побуждает международное сообщество относиться к нынешним афганским властям крайне настороженно, а местами даже враждебно³⁹. При этом в сентябре 2024 г. министр иностранных дел КНР Ван И, выдвигая предложения по стабилизации ситуации в Афганистане на неформальной встрече министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана, неоднократно упоминал ШОС, что, возможно, следует расценивать как сигнал к расширению взаимодействия по Афганистану именно в формате организации⁴⁰.

За минувшие годы государства региона предприняли определённые шаги по восстановлению нарушенных или прерванных в августе 2021 г. официальных связей со страной. В феврале 2024 г. лидер КНР Си Цзиньпин впервые принял верительные грамоты у посла ИЭА⁴¹. Летом того же года власти Казахстана исключили Движение талибов из национального списка запрещённых организаций, а в сентябре то же самое сделало руководство Киргизии⁴². Наконец, в середине апреля 2025 г. Верховный Суд Российской Федерации принял решение приостановить запрет на деятельность организации на территории страны и снять с неё статус террористической⁴³. Наличие в Афганистане действующ-

щих дипломатических представительств практически всех государств-членов ШОС говорит в пользу того, что на фактических отношениях и контактах государств региона с нынешним афганским руководством вопрос международного признания скazyвается незначительно. В то же время мировое сообщество по-прежнему относится к власти талибов с изрядной долей осторожности и не видит смысла форсировать процесс сближения до тех пор, пока сформированное Движением талибов правительство не продемонстрирует свою устойчивость и договороспособность.

* * *

Длительная военно-политическая турбулентность в Афганистане оказала заметное влияние на деятельность и устремления ШОС, поскольку он соседствует с большинством государств-членов объединения, а ситуация с безопасностью внутри этой страны прямо или косвенно затрагивает интересы всех его участников. Повышенное внимание к данной проблеме проявилось в создании специализированных институтов в рамках ШОС, предназначенных либо для налаживания диалога с Кабулом, либо для координации усилий государств-членов с целью отражения угроз безопасности и стабильности в регионе, источником которых становился Афганистан.

Проблемы во взаимодействии ШОС с Кабулом оказались обусловленными институциональным дизайном самой орга-

³⁹ «Все прекрасно понимают, что талибы террористы»: 20 лет санкциям ООН против «Талибана» // Газета.ru. 16.12.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/01/16/14423779.shtml> (дата обращения: 05.04.2025).

⁴⁰ Ван И принял участие в третьей неформальной встрече министров иностранных дел Китая, России, Пакистана и Ирана по афганскому вопросу // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 28.09.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202410/t20241003_11502445.html (дата обращения: 19.11.2024).

⁴¹ Первый посол: Китай признал дипломата от талибов главой дипмиссии Афганистана // Известия. 02.02.2024. URL: <https://iz.ru/1643558/kseniia-loginova/pervyi-posol-kitai-priznal-diplomata-ot-talibov-glavo-dipmissii-afganistana> (дата обращения: 13.04.2025).

⁴² Киргизия перестала считать талибов террористами // Ведомости. 06.09.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/09/06/1060394-kirgiziya-perestala-schitat-talibov-terroristami> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴³ «Талибан» исключили из числа террористических организаций в России // РБК. 17.04.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/04/2025/6800f0fb9a79477fb06eae15?from=from_main_6 (дата обращения: 20.04.2025).

низации; разнонаправленностью стратегических интересов стран-членов, в частности – на афганском направлении; неготовностью самого афганского государства к полноценному сотрудничеству в рамках ШОС ввиду ограниченной международной субъектности. Подходы ШОС к взаимодействию с Афганистаном начиная с 2001 г. претерпели заметную трансформацию, определяющуюся, с одной стороны, изменением состава и институциональным строительством самой организации, а с другой – динамикой внутривнутриполитических преобразований в афганском государстве. Расширение членства ШОС в 2017 и в 2023 годах произошло за счёт как непосредственных (Пакистан и Иран), так и региональных (Индия) соседей Афганистана, обладавших многолетним опытом взаимодействия с этим государством на двусторонней основе, устоявшимися внешнеполитическими практиками и специфическими интересами в отношении с ним. В то же время международная субъектность Афганистана на протяжении рассмотренного периода носила ограниченный характер, пройдя в своем развитии два качественно различных этапа. Если до 2021 г. его ограниченная субъектность была обусловлена иностранным военным вмешательством, то впоследствии она оказалась связанной с консолидированным отказом целого ряда ключевых мировых и региональных субъектов от налаживания официальных дипломатических контактов

с новым афганским правительством, сохранением санкционного режима в отношении руководства Движения талибов и недопущением их участия в работе ООН. Указанное обстоятельство стало дополнительным барьером для развития формализованного взаимодействия государств региона с Афганистаном в рамках ШОС, что сделало невозможным полноценное использование существующих специализированных форматов сотрудничества, выражаясь в настоящее время в фактической «заморозке» статуса Афганистана как государства-наблюдателя при организации и в приостановке деятельности Контактной группы «ШОС-Афганистан». По мере роста числа участников организации достижение консенсуса по многим вопросам, затрагивающим многостороннее взаимодействие с Афганистаном, становилось трудным и всё менее вероятным, а коллективные позиции по «афганскому вопросу» претерпевали «выхолащивание». Указанные обстоятельства привели к тому, что ШОС так и не стала основной площадкой многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном, а большая часть инициатив в данной сфере осуществляется без её непосредственного вовлечения, при помощи более гибких *ad hoc* механизмов, либо на двусторонней основе по вопросам, представляющим взаимный интерес, причём после 2021 г. второй формат представляется для государств региона наиболее привлекательным.

Список литературы

- Агрономов В.В. Афганистан и ШОС // ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (к 10-летию образования ШОС) / под ред. М.Р. Аруновой, Б.М. Хакимова. М.: Институт востоковедения РАН; Институт Ближнего Востока, 2011. С. 17–30.
- Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алма-Ата: Казахстанский институт стратегических исследований при президенте Республики Казахстан, 1998. 280 с.
- Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: Весь Мир, 2017. 336 с.
- Арунова М.Р. ШОС и афганская проблема. М.: Институт востоковедения РАН; Институт Ближнего Востока, 2012. 197 с.
- Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. Москва: Институт востоковедения РАН, 2014. 216 с.
- Быков А.И. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС: основные направления и перспективы развития. М.: Флинта, 2011. 232 с.

- Василенко В.И., Василенко В.В., Потеенко А.Г.* Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико–правовой аспект). М.: Проспект, 2014. 192 с.
- Васильев Л.Е.* Перспективы решения проблем безопасности Евразии в свете расширения ШОС // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия. Ред.–сост. Л.Е. Васильев. М.: ИДВ РАН, 2020а. С. 36–57.
- Васильев Л.Е.* Сотрудничество Китая, России и других государств – участников ШОС в борьбе с терроризмом в восточной части Евразии // ШОС в системе безопасности в Евразии: проблемы многостороннего взаимодействия. Ред.–сост. Л.Е. Васильев. М.: ИДВ РАН, 2020б. С. 127–150.
- Гарбузарова Е.Г.* Роль ШОС в процессе нейтрализации региональных вызовов и угроз // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8(4). С. 425–436. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-4-425-436
- Давыдов А.С.* Активизация взаимодействия ШОС с государствами–наблюдателями и иными структурами в интересах стабилизации обстановки в Афганистане // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / под ред. Ю.В. Морозова. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 57–68.
- Денисов И.Е., Сафранчук И.А.* Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО–Университета. 2016. № 3(48). С. 112–122. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122
- Каукинов А.С.* Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3(51). С. 73–89.
- Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО–Университет, 2008. 382 с.
- Князев А.А.* Американский тупик в Афганистане, ШОС и значение стран наблюдателей: поиск новых парадигм // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии / под ред. А.А. Князева. Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, 2009. С. 130–138.
- Князев А.А.* Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX начало XXI в.). Душанбе: Дониш, 2004. 640 с.
- Князев А.А.* История Афганской войны 1990–х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. Бишкек: КРСУ, 2002. 136 с.
- Князев А.А., Гулам Н.Я.* Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран–соседей // Постсоветские исследования. 2023. № 4(6). С. 426–436. DOI: 10.24412/2618-7426-2023-4-426-436
- Кокарев К.А.* К вопросу о политике ШОС в сфере безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию: материалы Третьего заседания Форума ШОС (Китай, г. Пекин, 19–21 мая 2008 года). М., 2008. С. 95–98.
- Колдунова Е.В.* Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. 2013. № 2(12). С. 60–69. DOI: 10.18611/2221-3279-2013-4-2(12)-60-69
- Кольяков А.А.* Влияние Шанхайской организации сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 257–258.
- Конаровский М.А.* Афганистан в политических оценках и практической деятельности ШОС // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 2(17). С. 7–21.
- Конаровский М.А.* Расширение ШОС: возможности и проблемы // Ежегодник ИМИ. 2015. № 1(11). С. 105–118. DOI: 10.46272/2587-8476-2015-0-1-105-118.
- Конаровский М.А.* Россия–ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 149–161.
- Коргун В.Г.* Афганский конфликт и Центральная Азия // Россия и мусульманский мир. 2012. № 6. С. 106–114.
- Лалетин Ю.П.* Афгано–пакистанские отношения и джирга мира // Азия и Африка сегодня. 2008. № 5. С. 60–64.
- Лузянин С.Г.* ШОС: проблемы развития (методология, экономика, безопасность) // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 15–22.
- Лукин А.В.* Шанхайская организация сотрудничества и российский интерес в Центральной Азии и Афганистане // Вестник МГИМО–Университета. 2011. № 5(20). С. 37–47. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-5-20-37-47
- Лукин А.В., Мочульский А.Ф.* Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки НКСМИ. 2005. № 2(4). С. 3–28.
- Лунёв С.И.* Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия–Индия–Китай // Сравнительная политика. 2020. № 2(11). С. 76–88. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021
- Москаленко В.Н.* Проблемы безопасности: ШОС и Пакистан // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 351–368.

- Нессар М.О.* Афгано-пакистанские отношения на современном этапе // *Международная жизнь*. 2025а. № 7. С. 46–55.
- Нессар М.О.* Афганский фактор в политике стран Центральной Азии. Трансформация восприятия // *Обозреватель-Observer*. 2025b. № 4. С. 40–50. DOI: 10.48137/2074-2975_2025_4_40
- Никитенко В.И.* Евразийские векторы сотрудничества стран участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной и региональной безопасности // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. 2018. № 1. С. 25–34.
- Никитина Ю.А.* ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Навона, 2009. 200 с.
- Никитина Ю.А.* От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // *Вестник МГИМО–Университета*. 2010. № 6(15). С. 134–140. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-6-15-134-140
- Парамонов В.В., Столповский В.В., Строков О.А.* Роль и место ШОС и Афганистана в политике России и Китая в Центральной Азии // *Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Азии: Материалы междунар. конф. / под ред. А.А. Князева*. Бишкек: Общественный фонд Александра Князева, 2008. С. 68–88.
- Рахимов К.Х.* Вклад государств–членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО // *Постсоветские исследования*. 2022. № 4(5). С. 367–385. DOI: 10.24412/2618-7426-2022-4-367-385
- Сафранчук И.А.* Афганская проблема в региональном контексте // *Россия в глобальной политике*. 2009. № 3(7). С. 141–149.
- Сафранчук И.А.* Проблемы ШОС на стыке трендов глобализации и регионализации // *Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии*. 2016. №3–4 (48–49). С. 54–61.
- Сафранчук И.А.* ШОС в системе региональных организаций в Евразии // *Международная аналитика*. 2015. № 2(12). С. 92–94.
- Умаров А.А.* Фактор Афганистана в региональной безопасности Центральной Азии в начале XXI века. Ташкент: УМЭД, 2017. 320 с.
- Юртаев В.И., Рогов А.С.* ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Международные отношения*. 2017. № 3(17). С. 469–482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482
- Acharya A., Johnston A.I.* (2007a). Comparing regional institutions: an introduction // *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective* / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston. N.Y.: Cambridge University Press. P. 1–31. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.001
- Acharya A., Johnston A.I.* (2007b). Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism // *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective* / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston. N.Y.: Cambridge University Press. P. 244–278. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.008
- Ahmad I.* Shanghai Cooperation Organization: China, Russia, and Regionalism in Central Asia // *Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective* / ed. by H. Loewen, A. Zorob. United Nations University Series on Regionalism, 14. Dordrecht: Springer, 2018. P. 119–135. DOI: 10.1007/978-94-024-1211-6_6
- Alimov R.* The Shanghai Cooperation Organisation and the Development of Eurasia // *The “Roads” and “Belts” of Eurasia* / ed. by A. Lukin. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. P. 261–301. DOI: 10.1007/978-981-15-0856-1_11.
- Aris S.* A new model of Asian regionalism: does the Shanghai Cooperation Organisation have more potential than ASEAN? // *Cambridge Review of International Affairs*. 2009. No. 3(22). P. 451–467. DOI: 10.1080/09557570903104040
- Aris S.* Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation (Critical Studies of the Asia-Pacific). Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. 215p. DOI: 10.1057/9780230307643.
- Barnett M., Solingen E.* Designed to fail or failure of design? The origins and legacy of the Arab League // *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective* / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston. N.Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 180–220. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.006
- Obydenkova A.V., Libman A.* Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. Oxford: Oxford University Press, 2019. 318 p. DOI: 10.1093/oso/9780198839040.001.0001
- Plastun V.* (2008) Central Asia in Search of Stability. *Central Asia and the Caucasus*. No. 2(50) P. 43–51.
- Umarov A.* The “Afghan factor” in Uzbekistan's foreign policy: Evolution and the contemporary situation // *Asian Affairs*. 2021. No. 3(52). P. 536–553. DOI: 10.1080/03068374.2021.1957321

THE AFGHAN ISSUE ON THE SCO PLATFORM

BETWEEN DECLARATIVE AND REAL POLICY

NINEL GULAM

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines how threats to regional security and stability in Eurasia originating from Afghanistan have shaped the priorities and institutional framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), as well as the organization's role in promoting multilateral regional cooperation with Afghanistan following the Taliban's return to power in August 2021. The SCO was established at a time when Afghanistan had become a major focus of international attention in the context of the US-led "war on terror." Given that most SCO member states are Afghanistan's immediate neighbors, the organization could not remain indifferent to this source of instability on its borders. However, despite the member states' direct interest in stabilizing the regional security environment, maintaining a sustained dialogue with Afghanistan, and creating such mechanisms as the SCO Regional Anti-Terrorist Structure (RATS) and the SCO-Afghanistan Contact Group, the organization has so far failed to become the principal platform for multilateral regional engagement on Afghan issues. Instead, most regional interaction concerning Afghanistan has taken place outside the SCO framework. This outcome can be explained both by the SCO's institutional design, particularly its consensus-based decision-making procedures, and by the preference of its member states for bilateral engagement with Afghanistan in line with their established foreign policy practices.

Keywords:

Afghanistan; SCO; SCO RATS; SCO-Afghanistan Contact Group; Moscow Format; the Taliban movement; terrorism; institutional design; regional cooperation; Eurasian space

References

- Acharya A., Johnston A.I. (2007a). Comparing regional institutions: an introduction. In: A. Acharya, A.I. Johnston (eds) *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*. N.Y.: Cambridge University Press. P. 1–31. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.001
- Acharya A., Johnston A.I. (2007b). Conclusion: institutional features, cooperation effects, and the agenda for further research on comparative regionalism. In: A. Acharya, A.I. Johnston (eds) *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*. N.Y.: Cambridge University Press. P. 244–278. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.008
- Agronomov V.V. (2011). Afganistan i SHOS [Afghanistan and the SCO]. In: M.R. Arunova, B.M. Hakimov (eds) *SHOS i strany Blizhnego i Srednego Vostoka (k 10-letiiu obrazovaniia SHOS)* [SCO and the countries of the Near and Middle East (on the occasion of the 10th anniversary of the formation of the SCO)]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN; Institut Blizhnego Vostoka. P. 17–30.
- Ahmad I. (2018). Shanghai Cooperation Organization: China, Russia, and Regionalism in Central Asia. In: H. Loewen, A. Zorob (ed.) *Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective*. United Nations University Series on Regionalism, 14. Dordrecht: Springer. P. 119–135. DOI: 10.1007/978-94-024-1211-6_6
- Akimbekov S.M. (1998). *Afganskiy uzel i problemy bezopasnosti Tsentralnoy Azii* [The Afghan Knot and the Security Challenges of Central Asia]. Alma-Ata: Kazakhstanskiy institut strategicheskikh issledovaniy pri prezidente Respubliki Kazakhstan. 280 p.
- Alimov R.K. (2017). *Shankhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva: stanovlenie, razvitie, perspektivy* [Shanghai Cooperation Organisation: Establishment, Development, Prospects]. Moscow: Ves Mir. 336 p. DOI: 10.1007/978-981-15-0856-1_11

- Alimov R. (2020). The Shanghai Cooperation Organisation and the Development of Eurasia In: A. Lukin (ed.) *The "Roads" and "Belts" of Eurasia*. Singapore: Palgrave Macmillan. P. 261–301. DOI: 0.1007/978-981-15-0856-1_11
- Aris S. (2009). A new model of Asian regionalism: does the Shanghai Cooperation Organisation have more potential than ASEAN? *Cambridge Review of International Affairs*. No. 3(22). P. 451–467. DOI: 10.1080/09557570903104040
- Aris S. (2011). *Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 215 p. DOI: 10.1057/9780230307643
- Arunova M.R. (2012). *SHOS i afganskaia problema* [The SCO and the Afghan problem]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN; Institut Blizhnego Vostoka. 197 p.
- Barnett M., Solingen E. (2007). Designed to fail or failure of design? The origins and legacy of the Arab League In: A. Acharya, A.I. Johnston (ed.) *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*. N.Y.: Cambridge University Press. P. 180–220. DOI: 10.1017/CBO9780511491436.006
- Belokrenitskiy V.Ya., Sikoev R.R. (2014). *Dvizheniye Taliban i perspektivy Afganistana i Pakistana* [The Taliban Movement and the Prospects for Afghanistan and Pakistan]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. 216 p.
- Bykov A.I. (2011). *Ekonomicheskoe sotrudnichestvo v ramkakh SHOS: osnovnye napravleniia i perspektivy razvitiia* [Economic cooperation within the SCO: main directions and prospects of development: a monograph]. Moscow: Flinta. 232 p.
- Davydov A.S. (2016). Aktivizatsiia vzaimodeistviia SHOS s gosudarstvami-nabliudateliami i inymi strukturami v interesakh stabilizatsii obstanovki v Afganistane [Enhancing interaction of the SCO with observer states and other structures in order to stabilise the situation in Afghanistan]. In: Yu.V. Morozov (ed.) *Perspektivy razvitiia SHOS s tochki zreniia natsional'nykh interesov Rossii* [Prospects for the development of the SCO from the point of view of Russia's national interests]. Moscow: IDV RAN. P. 57–68.
- Denisov I.E., Safranchuk I.A. (2016). Chetyre problemy SHOS v svete voprosa o rasshirenii organizatsii [Four problems of the SCO in light of the question of the organization's expansion]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*. No. 3(48). P. 112–122. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122
- Garbuzarova E.G. (2021). Rol' SHOS v protsesse neytralizatsii regional'nykh vyzovov i ugroz [The role of the SCO in the process of neutralizing regional challenges and threats]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. No. 8(4). P. 425–436. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-4-425-436
- Kazantsev A.A. (2008). «Bolshaia igra» s neizvestnymi pravilami: mirovaia politika i Tsentral'naia Azia [‘The Great Game’ with Unknown Rules: World Politics and Central Asia/The Afghanistan Factor in Central Asia's Regional Security in the Early 21st Century]. Moscow: MGIMO-Universitet. 382 p.
- Kaukenov A.S. (2007). Politika Kitaya v Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva [China's policy in the Shanghai Cooperation Organization]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. No. 3(51). P. 73–89.
- Knyazev A.A. (2009). Amerikanskiy tupik v Afganistane, SHOS i znachenie stran nabliudatelei: poisk novykh paradig [The American deadlock in Afghanistan, the SCO and the importance of observer countries: the search for new paradigms]. In: A.A. Knyazev (ed.) *SHOS kak faktor integratsii Tsentralnoi Evrazii* [SCO as a factor of Central Eurasia integration]. Bishkek: Obshchestvennyi fond Aleksandra Kniazeva. P. 130–138.
- Knyazev A.A. (2004). *Afganskiy krizis i bezopasnost Tsentralnoi Azii (XIX nachalo XXI v.)* [The Afghan Crisis and the Security of Central Asia (nineteenth and early twenty-first centuries)]. Dushanbe: Donish. 640 p.
- Knyazev A.A., Gulam N.Ya. (2023). Etnopoliticheskaia situatsiia v Afganistane: vneshnee vozdeistvie i vovlechenost stran-sosedei [Ethno-political situation in Afghanistan: external impact and involvement of neighbouring countries]. *Postsovetskie issledovaniia*. No. 3(6). P. 426–436. DOI: 10.24412/2618-7426-2023-4-426-436
- Knyazev A.A. (2002). *Istoriia Afganskoi voiny 1990-kh gg. i prevrashchenie Afganistana v istochnik ugroz dlia Tsentralnoi Azii* [The history of the Afghan War of the 1990s and the transformation of Afghanistan into a source of threats to Central Asia]. Bishkek: KRSU. 136 p.
- Kokarev K.A. (2008). K voprosu o politike SHOS v sfere bezopasnosti [On the issue of SCO security policy]. In: *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: ot stanovleniya k vsestoronnemu razvitiyu: materialy Tretyego zasedaniya Foruma SHOS* (Kitay, g. Pekin, 19–21 maya 2008 goda) [The Shanghai Cooperation Organization: From Formation to Comprehensive Development: Proceedings of the Third Session of the SCO Forum (China, Beijing, May 19–21, 2008)]. P. 95–98.
- Koldunova E.V. (2013). Rol Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva v regione Tsentralnoy Azii: sravnitelnyy analiz issledovatel'skikh diskursov [The Role of the Shanghai Cooperation Organization in the Central Asian Region: A Comparative Analysis of Research Discourses]. *Sravnitel'naya politika*. No. 2(12). P. 60–69. DOI: 10.18611/2221-3279-2013-4-2(12)-60-69

- Koltyukov A.A. (2008). Vliyaniye Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva na razvitiye i bezopasnost Tsentralno-Aziatskogo regiona [The influence of the Shanghai Cooperation Organization on the development and security of the Central Asian region]. In *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novym rubezham razvitiya: Materialy krugl. stola* [Shanghai Cooperation Organization: Towards New Frontiers of Development: Proceedings of the Roundtable]. M: IDV RAN. P. 257–258.
- Konarovskiy M.A. (2013). Afganistan v politicheskikh otsenkakh i prakticheskoi deiatelnosti SHOS [Afghanistan in the SCO's political assessments and practical activities]. *Problemy natsionalnoi strategii*. No. 2(17). P. 7–21.
- Konarovskiy M.A. (2015). Rasshirenie SHOS: vozmozhnosti i problem [SCO Expansion: Opportunities and Challenges]. *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy* [Yearbook of the Institute of International Studies]. No. 1(11). P. 105–118.
- Konarovskiy M.A. (2016). Rossiia-SHOS: nekotorye elementy strategii [Russia-SCO: Some Elements of a Strategy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*. Vol 11. No. 4. P. 149–161.
- Korgun V.G. (2012). Afganskiy konflikt i Tsentralnaia Aziia [The Afghan conflict and Central Asia]. *Rossiia i musulmanskii mir*. No. 6. 106–114.
- Laletin Yu.P. (2008). Afgano-pakistanskii otnosheniia i dzhirga mira [Afghanistan-Pakistan relations and the peace jirga]. *Aziia i Afrika segodnia*. No. 5. P. 60–64.
- Lukin A.V. (2011). Shankhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva i rossiiskie interesy v Tsentralnoi Azii i Afganistane [The Shanghai Cooperation Organisation and Russian interests in Central Asia and Afghanistan]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 5(20). P. 37–47.
- Lukin A.V. (2005). Shankhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva: strukturnoe oformlenie i perspektivy razvitiia [Shanghai Cooperation Organisation: Structural Formation and Development Prospects]. *Analiticheskie zapiski Nauchno-koordinatsionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii* [Analytical Notes of the Scientific Coordination Council for International Studies of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. No. 2(4). P. 3–28. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-5-20-37-47
- Lunev S.I. (2020). Problemy terrorizma i podkhody k Afganistanu v treugolnike Rossiya-Indiya-Kitay [Terrorism issues and approaches to Afghanistan in the Russia-India-China triangle]. *Sravnitel'naya politika*. No. 2(11). P. 76–88. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021
- Luzyanin S.G. (2012). SHOS: problemy razvitiya (metodologiya, ekonomika, bezopasnost) [SCO: Development Issues (Methodology, Economics, Security)]. In: *Strategiya razvitiya SHOS i politika Rossii v etoy organizatsii* [The SCO development strategy and Russia's policy in this organization]. M: IDV RAN. P. 15–22.
- Nessar M.O. (2025a). Afgano-pakistanskiye otnosheniya na sovremennom etape [Afghan-Pakistani relations at the present stage]. *Mezhdunarodnaya zhizn*. No. 7. P. 46–55.
- Nessar M.O. (2025b). Afganskiy faktor v politike stran Tsentralnoy Azii. Transformatsiya vospriyatiya [The Afghan Factor in Central Asian Politics: Transforming Perceptions]. *Obzrevatel-Observer*. No. 4. P. 40–50. DOI: 10.48137/2074-2975_2025_4_40
- Nikitenko V.I. (2018). Evraziiskie vektory sotrudnichestva stran uchastnikov Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva po obespecheniiu mezhdunarodnoi i regionalnoi bezopasnosti. [Eurasian vectors of cooperation of the Shanghai Cooperation Organisation countries in ensuring international and regional security]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, parvo*. No. 1. P. 25–34.
- Nikitina Yu.A. (2009). ODKB i SHOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti. Moscow: Navona. 200 p.
- Nikitina Yu.A. (2010). From Integration to Regionalism: The Evolution of Theories of Regional Interstate Cooperation. *MGIMO Review of International Relations*. No. 15(6). P. 134–140. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-6-15-134-140
- Moskalenko V.N. (2008). Problemy bezopasnosti: SHOS i Pakistan [Security Issues: The SCO and Pakistan]. In *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novym rubezham razvitiya: Materialy krugl. stola* [Shanghai Cooperation Organization: Towards New Frontiers of Development: Proceedings of the Roundtable]. M: IDV RAN. P. 351–368.
- Obydenkova A.V., Libman A. (2019). *Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma*. Oxford: Oxford University Press. 318 p. DOI: 10.1093/oso/9780198839040.001.0001
- Paramonov V.V., Stolpovskii V.V., Strokov O.A. (2008). Rol i mesto SHOS i Afganistana v politike Rossii i Kitaia v Tsentralnoy Azii. In: A.A. Kniiazev (ed.) *Afganistan, SHOS, bezopasnost i geopolitika Tsentralnoy Evrazii: Materialy mezhdunar. konf.* [Afghanistan, SCO, Security and Geopolitics of Central Eurasia: Proceedings of the International Conference]. Bishkek: Obshchestvennyi fond Aleksandra Kniiazeva. P. 68–88.

- Plastun V. (2008) Central Asia in Search of Stability. *Central Asia and the Caucasus*. No. 2(50) P. 43–51.
- Rakhimov K.H. (2022). Vklad gosudarstv-chlenov SHOS po uregulirovaniu afganskogo krizisa: do i posle vyvoda voennogo kontingenta NATO [Contribution of SCO Member States to the Resolution of the Afghan Crisis: Before and After the Withdrawal of the NATO Military Contingent]. *Postsovetskie issledovaniia*. No. 4(5). P. 367–385. DOI: 10.24412/2618-7426-2022-4-367-385
- Safranchuk I.A. (2009). Afganskaya problema v regionalnom kontekste [The Afghan problem in a regional context]. *Rossiia v globalnoy politike*. No. 3(7). P. 141–149.
- Safranchuk I.A. (2016). Problemy SHOS na styke trendov globalizatsii i regionalizatsii [The SCO's problems at the intersection of globalization and regionalization trends]. *Bolshaya igra: politika, biznes, bezopasnost' v Tsentralnoy Azii*. No. №3–4. P. 54–61.
- Safranchuk I.A. (2015). SHOS v sisteme regionalnykh organizatsiy v Yevrazii [The SCO in the system of regional organizations in Eurasia]. *Mezhdunarodnaya analitika*. No. 2(12). P. 92–94.
- Vasilenko V.I., Vasilenko V.V., Poteenko A.G. (2014). *Shankhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva v regionalnoy sisteme bezopasnosti (politiko-pravovoy aspekt)* [Shanghai Cooperation Organisation in the regional security system (political and legal aspect)]. Moscow: Prospekt. 192 p.
- Vasilyev L.E. (2020a) Perspektivy resheniya problem bezopasnosti Yevrazii v svete rasshireniya SHOS [Prospects for resolving Eurasian security issues in light of SCO expansion]. In: L.E. Vasilyev (ed.) *SHOS v sisteme bezopasnosti v Yevrazii: problemy mnogostoronnego vzaimodeystviya* [The SCO in the Eurasian Security System: Challenges of Multilateral Cooperation]. Moscow: IDV RAN. P. 36–57.
- Vasilyev L.E. (2020b). Sotrudnichestvo Kitaya, Rossii i drugikh gosudarstv – uchastnikov SHOS v borbe s terrorizmom v vostochnoy chasti Yevrazii [Cooperation between China, Russia and other SCO member states in the fight against terrorism in eastern Eurasia]. In: L.E. Vasilyev (ed.) *SHOS v sisteme bezopasnosti v Yevrazii: problemy mnogostoronnego vzaimodeystviya* [The SCO in the Eurasian Security System: Challenges of Multilateral Cooperation]. Moscow: IDV RAN. P. 127–150.
- Umarov A.A. (2017). *Faktor Afganistana v regionalnoy bezopasnosti Tsentralnoy Azii v nachale XXI veka* [The Afghanistan Factor in the Regional Security of Central Asia at the Beginning of the 21st Century]. Tashkent: UMED. 320 p.
- Umarov A. (2021). The “Afghan factor” in Uzbekistan's foreign policy: Evolution and the contemporary situation. *Asian Affairs*. No. 3(52). P. 536–553. DOI: 10.1080/03068374.2021.1957321
- Yurtaev V.I., Rogov A.S. (2017). SHOS i BRIKS: osobennosti uchastiya v protsesse yevraziyskoy integratsii [SCO and BRICS: Peculiarities of Participation in the Eurasian Integration Process]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 3(17). P. 469–482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482